

© 2023. А. А. Калитник

Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Россия

Москва в повестях и рассказах С. В. Энгельгардт

Аннотация: Понятие «московский текст» рассматривается в статье на материале беллетристических произведений С. В. Энгельгардт. В ходе анализа повестей и рассказов писательницы определяется место, которое они занимают среди других «московских текстов» русской классической литературы, написанных в XVIII–XIX вв. Творчество Энгельгардт рассматривается в рамках женской прозы XIX в., в соответствии с теми задачами, которые ставили перед собой ее представительницы. В результате исследования автор статьи приходит к выводу о том, что образ Москвы в произведениях писательницы имеет определяющее значение и получает различную трактовку. Москва в творчестве Энгельгардт представлена в трех основных пространственно-временных планах: как светский город (рауты, балы, приемы), как православный город (церкви, монастыри) и как город-символ России (Смутное время, правление Екатерины II, Отечественная война 1812 г). С Москвой светской связаны мотивы сплетен и слухов, денег, с православной Москвой — мотивы греха, покаяния, молитвы, паломничества, с Москвой как символом России — мотив борьбы за власть, мотив войны. С образом Москвы связаны мотивы тайны, мистики, легенды, которые помогают представить город в нереальном, искаженном ракурсе.

Ключевые слова: «московский текст», художественная литература, женская проза, беллетристика, С. В. Энгельгардт.

Информация об авторе: Анастасия Анатольевна Калитник, аспирант, Череповецкий государственный университет, ул. Луначарского, д. 5, 162600 г. Череповец, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4792-8458>

E-mail: tancazu@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 11.06.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.07.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Калитник А. А. Москва в повестях и рассказах С. В. Энгельгардт // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 148–163. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-148-163>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 148–163. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 148–163. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. **Anastasia A. Kalitnik**

Cherepovets State University
Moscow, Russia

Moscow in Novellas and Short Stories by S. V. Engelgardt

Abstract: The article considers the concept of “Moscow text” on the material of fiction works by S. V. Engelhardt. The analysis of the novellas and short stories of the writer allows to determine the place that they occupy among other “Moscow texts” of Russian classical literature written in the 18th–19th centuries. The work of Engelhardt is considered within the framework of women’s prose of the 19th century, in accordance with the tasks that her representatives set themselves. As a result of the study, the author of the article comes to the conclusion that the image of Moscow in the works of the writer is of decisive importance and receives different interpretations. Moscow in the work of Engelhardt is presented in three main spatial and temporal plans: as a secular city (party receptions, balls, receptions), as an Orthodox city (churches, monasteries) and as a city-symbol of Russia (Time of Troubles, the reign of Catherine II, the Patriotic War of 1812). The motifs of gossip, rumors and money are connected with secular Moscow, the motifs of sin, repentance, prayer, pilgrimage are connected with Orthodox Moscow, the motif of the struggle for power and war are connected with Moscow as a symbol of Russia. Motifs of mystery, mysticism, and legends are associated with the image of Moscow, which help to present the city in an unrealistic, distorted perspective.

Keywords: “Moscow text”, fiction, women’s prose, fiction, S. V. Engelhardt.

Information about the author: Anastasia A. Kalitnik, graduate student,
Cherepovets State University, 5 Lunacharskogo St., 162600 Cherepovets, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4792-8458>

E-mail: tancazu@gmail.com

Received: June 11, 2023

Approved after reviewing: July 26, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Kalitnik, A. A. “Moscow in Novellas and Short Stories by S. V. Engelgardt.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 148–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-148-163>

Начиная с XVIII в. Москва становится одним из частых и распространенных мест действия в произведениях русской литературы. Вспомним повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина (1792), очерк М. Ю. Лермонтова «Панорама Москвы» (датируется 1834 г.), комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1833). Если для Карамзина и Лермонтова Москва — это город, олицетворяющий богатое историческое прошлое России, то грибоедовская Москва — это город чиновников, лишенный подлинной красоты, жизнь в нем пуста и однообразна. Созданный Пушкиным образ Москвы, — одна из нескольких мифологем: город-государство, сакральный город, расположенный на семи холмах, город-дева, мать русских городов.

«Московский текст» не сразу получил признание исследователей [Белова; Васильева; Прокофьева; Топоров; Мельгунов; Мякинченко; Субботина]. По утверждению И. Н. Сухих, «московский текст» по-настоящему начинается с «Мастера и Маргариты» [Сухих: 158]. Петербург и Москва при этом традиционно противопоставлялись друг другу. Если Петербург ассоциировался с неким свертхтекстом, то Москва была лишена мифологичности. Петербург представляется как некий утопический город, стремившийся вобрать в себя черты европейских городов [Лотман]. Его часто упрекали в «механистичности», бездушности. Москва в понимании исследователей — исконно русский первопрестольный город [Исупов]. В то же время Москва нередко характеризуется и с негативной стороны. В представлении исследователей она часто сравнима с древним Вавилоном [Исупов].

В женской прозе XIX в. образ Москвы имеет определяющее значение. С одной стороны, жить в Москве — означает принимать нормы поведения, установленные в светском обществе, с другой — Москва сообразуется с образом семейного дома, теплого, уютного и безопасного. Отметим, что в «московских текстах» на первый план нередко выходят женские персонажи.

Героини женской беллетристики XIX в. проходят сложный путь к обретению счастья, не обязательного семейного. На страницах женских произведений этого периода появляются сильные характером героини, прочно стоящие на своих принципах, способные выйти из критической ситуации без мужской помощи. Безусловно, остается и отсылающее нас к сентиментализму изображение женщин на лоне природы. В произведениях такой направленности героини, как правило, оказываются преданными любимым человеком (произведения Е. А. Ган, М. С. Жуковой, А. В. Заржевской и др.).

Имя С. В. Энгельгардт (1828–1894) относится к категории «забытых имен». Вместе с тем творчество Энгельгардт как писательницы-беллетристики отразило черты русского классического реализма XIX в. По мнению Н. П. Генераловой, опубликовавшей письма Энгельгардт к Фету, [Письма 1994: 99] и В. С. Нечаевой [Нечаева: 132] произведения Энгельгардт имеют сходные черты с пьесами А. Н. Островского (пословичный характер заглавий), романами Ф. М. Достоевского (образы бедных людей, христианские мотивы), романами И. С. Тургенева (любовные конфликты, женские образы, повествование от лица рассказчика).

Кроме того, в доме Энгельгардт часто собиралась молодая редакция «Москвитянина» (Ап. А. Григорьев, И. С. Тургенев, Н. В. Берг, Б. Н. Алмазов и др.). Она вела переписку со многими известными людьми того времени, но самым значительным эпистолярным наследием являются ее письма к А. А. Фету, опубликованные в 1994, 1995 и 1997 гг. Энгельгардт сделала Фета второстепенным персонажем своей повести «Не одного поля ягоды» (1868).

В целом в повестях писательницы довольно часто встречаются отсылки как к произведениям классиков (Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя), так и к беллетристическим произведениям (Жорж Санд).

В 50-е гг. Энгельгардт только вступает на стезю литературного творчества. В 1853 г. в журнале «Отечественные записки» был опубликован ее первый рассказ «Деревня». В дальнейшем Энгельгардт печатается в таких известных журналах, как «Современник» (повесть «Не так живи как хочется, а так как Бог велит», 1854), «Библиотека для чтения» (повесть «Старик», 1854) и «Русский вестник», на страницах которого была опубликована значительная часть ее произведений (повести

«Камень преткновения», 1862, «Где же счастье?», 1864, «Не одного поля ягоды», 1868).

Образ Москвы в повестях Энгельгардт мы рассмотрим с нескольких определяющих ракурсов: светский город; таинственный, мистический город; христианский город и город — символ России и российской государственности. Стоит уточнить, что в произведениях писательницы в большинстве случаев сочетаются несколько планов изображения Москвы, а также добавляются три оппозиции: Москва–Европа, Москва–деревня, Москва–провинция.

В 1850–1860-е гг. образ Москвы в повестях Энгельгардт в большей степени подчинен задачам женской прозы: отражает любовные конфликты, борьбу за семейное счастье, наследство. Личная жизнь героев постоянно сопровождается сплетнями и слухами. Полноценным персонажем этих повестей становится светское общество. Любовные коллизии в них достаточно типичны: у героини, как правило, есть соперница, которая мешает ее личному счастью (повесть «Не сошлись»), нередки ситуации, когда герой и героиня состоят в браке (повесть «Так Бог велел»), также распространены ситуации развода (повесть «Не одного поля ягоды»), вдовства (повесть «Камень преткновения»). В повестях 1860-х гг. намечается образ сильной героини, способной отказаться от брака в пользу личной свободы, например, так поступают героини повестей «Камень преткновения», «Где же счастье?».

В повестях «Не так живи как хочется, а так как бог велит», «На весь свет не угодишь» и «Так Бог велел» Москва — светский город, который изображается через описание открытых и закрытых пространств: улицы, Полевой Двор, мостовая, Сокольническая роща, Троицкое шоссе, Останкино, останкинский дворец, Остоженка, старосветский дом, старинный московский дом, Большой театр.

В повести «Так Бог велел» символическим местом действия становится Царицыно, изображенное с мистической, таинственной стороны: «Москвич, посещающий Царицыно, задумается невольно над его странную судьбой. Много грез навевает вид этих развалин, уже отживших и не живших никогда, этого великолепия без прошедшего и без воспоминаний. На душе становится так же пусто, как и в этих огромных галереях, которые видишь сквозь бесчисленное множество темных окон. Никогда не светились в них огни; человеческое лицо никогда из них не выглядывало; осенью в них воет ветер, а зимой их засы-

пает снегом. Только летом кое-где из окна высунется березовая ветка. Единственная жилища дворца, она выросла под дождем и солнцем, за насыпью земли и мусора не устланной паркетом, и ее свежая зелень составляет странный контраст с почернелыми стенами» [Энгельгардт 1872].

Автор приводит связанную с Царицыно легенду о проклятии. В повести за счет искажения пространства возникает мотив смерти: «Оставьте его, говорит. Мне сдается, что этот дворец гроб мой» [согласно легенде, это слова Екатерины II]. Также легенда связана с именами Александра I и Николая I, которых, «словно дух нечистый отводил... от настоящего пути» [Энгельгардт 1872].

Главные герои повести, Образцов и Маша, встречаются в Царицыно в надежде, что им удастся вновь быть вместе. Окружающий пейзаж перекликается с изображением внутреннего мира героини. Маша понимает, что больше не любит мужа. В контексте светского образа жизни в повести «Не так живи как хочется, а так как Бог велит» упоминается Петербург. Невеста главного героя Анна говорит: «Я возьму с собою мое приданое и уговорю Виктора ехать в Петербург. Там он сошьет себе модный фрак, будет одет совершенно по моде, и каждый день может ездить к вашей сестре, и никто не догадается, что он не бывал в свете» [Энгельгардт 1854].

При этом, как только родственница Анны, Елизавета Петровская, пытается сказать ей о том, что Виктор не любит ее, Анна воспринимает это как знак: из Москвы уезжать нельзя. Таким образом, возможный отъезд из Москвы в представлении Анны разрушит ее счастье: «Нет, я никогда, ни за что на это не соглашусь. И в Петербург не поеду! Нет! Я выйду замуж за Виктора, ни за кого больше!» [Энгельгардт 1854].

В 1870–1880-е гг. в произведениях Энгельгардт любовная коллизия постепенно уступает место христианским темам, и наряду с публикациями в «Русском вестнике» (повести «На родине», 1870, «Так Бог велел», 1872, «Злоба дня», 1881) появляются и многочисленные публикации в таком издании, как «Газета Гатцука» (повести «Черный сургуч», 1877, «Заблудшая», 1877, рассказ «Один Бог правду видит», 1882).

В указанных повестях образ Москвы приобретает особый христианский смысл. Местом действия становятся монастыри и церкви, расположенные рядом с Москвой (Вознесенский монастырь, Головин монастырь, Троице-Сергиева Лавра) или непосредственно в Москве

(церковь Ильи Пророка, Успенский собор). Также герои Энгельгардт часто отправляются в Москву на богомолье. Как отмечает Б. Ф. Егоров, это дает автору возможность снять различия между представителями дворянского и крестьянского сословия, как в повести «Аринина тайна» (1878). В этой повести изображены две монахини, Магдалина и Евпраксия: бывшая княгиня и крестьянка. Различие в их социальном положении полностью сглаживается за счет новаторской связи религиозного аспекта с социальным¹.

Стоит уточнить, что Энгельгардт впервые в этот период отводит центральное место в сюжете крестьянам и представителям мещанского, купеческого сословия. Писательница подробно изображает привычный уклад, быт и традиции крестьянской жизни. Дворяне выполняют в этих произведениях исключительно вспомогательную роль. Например, в «Рассказе матери Маргариты» представительница дворянского сословия упоминается только как благотворитель, помогающая детям и каторжникам.

В повести «На родине» Москва характеризуется как святой город с золотыми куполами. Как отмечает О. С. Шурупова, с Москвой ассоциируется следующий ряд концептов: матушка, столица, древняя столица, златоглавая, белокаменная, первопрестольная, царица Руси, княгиня, девица, красавица [Шурупова 2011: 11, 17].

Герой Дмитрий Опалев, приехавший в Москву из-за границы за два дня до Рождества, вспоминает свои детские впечатления, когда московские церкви казались ему так мало похожими на иностранные. Герой ищет в каждом прохожем мужчине «...какого-нибудь старого знакомого, Калиныча, Хоря, или Касьяна с Красивой Мечи», а «в каждой женской голове, улыбающейся из-под меховой шапочки, героиню Тургенева» [Энгельгардт 1870].

Важно упомянуть, что с мая по июнь 1861 г. Энгельгардт жила в Дрездене. Она искренне восхищалась укладом жизни немецкого города, но 17 февраля 1864 г. писала Фегу: «Я поняла, насколько я люблю Россию тогда только, когда рассталась с нею. А за что мне ее любить? Ей-Богу, я не умею сказать. Я помню только, что, когда я выехала в Ковно в дилижансе и на рассвете почувствовала запах берез и услышала

¹ Данная статья Б. Ф. Егорова готовится к публикации и выйдет в 7 томе словаря «Русские писатели. 1800–1917».

словья, сердце мое забилося так радостно, что я не стала разбираться, чему я радуюсь, и проезд мой в Москву останется одним из моих лучших воспоминаний» [Письма 1994: 97].

В повести «На родине» возникает оппозиция Москвы и Европы. Образ Москвы, сформировавшийся в детском и взрослом сознании главного героя, существенно отличаются. Дмитрий Опалев чувствует себя чужим не только в Москве, но и в деревенской усадьбе.

Оппозиция Москва — деревня в повестях данного периода приобретает прежде всего духовный смысл, тогда как в повестях 1850–1860-х гг. она остается только на пространственном уровне. В письмах к Фету Энгельгардт часто писала о том, что в летние и весенние месяцы она бы «дорого дала, чтобы свить свое гнездышко где-нибудь подальше от Москвы» [Письма 1998: 99].

В исторических повестях Энгельгардт образ православной Москвы приобретает большое значение. Наиболее яркими в этом отношении представляются исторические повести «Заблудшая» (1877), «Просьба на Екатерину II» (1885), «Изгнанница Бориса Годунова» (1885).

Повесть «Злоба дня» отражает образ Москвы в двух планах: Москва XVI в. и Москва XIX в. Так, Москва XVI в. передает «допетровскую, не тронутую патриархальную Русь», в то время как Москва XIX в. заставляет сожалеть об утраченном прошлом. Важным оказывается исторический контекст. Образ Москвы XVI в. обрамляет повествование: начинается повесть с легенды, связанной с сокольничим Ивана Грозного: «Вдруг его застиг сон и приснилось ему видение. Юноша в белой ризе, на коне, держа в руке сокола, предстал пред ним и сказал: «Я Трифон и не оставлю тебя. Встань и иди куда глаза глядят. Я буду твоим путеводителем <...>. На этом самом месте, избавленный от лютой смерти, служитель Ивана Грозного соорудил храм святому Трифону» [Энгельгардт 1881: 749]. Храм святого Трифона считается самой древней церковью, построенной за пределами Кремля. Повествование таким образом охватывает значительный временной отрезок.

Также в приведенных повестях отражены события, определившие ход российской истории на долгие годы вперед. Энгельгардт были не чужды патриотические взгляды. В 1877 г. она расскажет Фету о настроениях, царивших в Москве во время русско-турецкой войны: «Со дня объявления войны флаги развеваются на всех улицах, составляются комитеты в пользу раненых, все принимают в них участие и на всех

радостные лица. Россия не запомнит такой войны» [Письма 1998: 77].

В повести «Заблудшая» изображена Москва периода Отечественной войны 1812 г. Жители покидают Москву, «чтобы не видеть, как иноземец будет господствовать в их родном городе» [Энгельгардт 1877: 208].

Энгельгардт изображает широкую панораму, охватывающую большие пространства. Возникает параллель с эпизодом оставления Москвы в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: «По всем дорогам от Московских застав тянулись обозы с пожитками и народом; от мала до велика все шли, куда глаза глядят» [Энгельгардт 1877: 208]. Ср.: «Они уезжали и не думали о величественном значении этой громадной богатой столицы, оставленной жителями и, очевидно, сожженной (большой, покинутый деревянный город необходимо должен был сгореть); они уезжали каждый для себя, а вместе с тем только вследствие того, что уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа» [Толстой 11: 280].

Отдельное место в творчестве Энгельгардт занимают повести, в которых на первый план выведены исторические личности. В повести «Просьба на Екатерину II» центральным является образ императрицы. Действие повести разворачивается в 1786 г. Во многом фигура императрицы перекликается с образами, созданными в одах Г. Р. Державина и М. В. Ломоносова. Екатерина II красива, великодушна, способна защитить несправедливо обвиненного человека. Москва в повести — это город знати и вельмож. Энгельгардт, описывая Москву того времени, проводит параллель с Москвой XIX в.: «Тогдашняя Москва не походила на теперешнюю. Она была испестрена садами и огородами и пересечена вдоль и поперек темными узкими и кривыми переулками. На главных улицах находились кабаки, постоянные дворы, кузницы, мучные лавочки, и над ними возвышались великолепные барские дома, украшенные изображениями мифических богов» [Энгельгардт 1885].

Интересно, что оппозиция церковь / трактир, отмечаемая в «московских текстах» исследователями, приобретает в повести «Просьба на Екатерину II» иное значение, соединяясь с темой семьи. Напротив, в произведении Энгельгардт «Рассказ матери Маргариты» (1873) данная оппозиция находит привычное отображение: в монастыре герой живет христианской жизнью, в трактире — поддается греху пьянства.

В повести «Изгнанница Бориса Годунова» события строятся вокруг Смутного времени и последующего воцарения на престоле Михаила

Романова. Исторические происшествия здесь также тесно переплетены с христианскими образами: Кремлевские соборы, богатая церковь на Варварке, Троице-Сергиева Лавра. Москва предстает в повести как город-государство, определяющий судьбу России: «Накануне в Кострому прибыли московские послы. Им было поручено объявить Михаилу Федоровичу, что выборные из всех городов России собирались в Москву и провозгласили его царем» [Энгельгардт 1885].

В 1890-е гг. Энгельгардт опубликовала только три произведения: один рассказ («Святочный рассказ», 1890) и две повести («Петр Иванович Корондеев. Быль», 1891, «Пропажа. Рассказ старосветского помещика», 1892). Повести были опубликованы в журнале «Русское обозрение», рассказ — в журнале «Север».

Заключительный этап творчества Энгельгардт объединяет темы и мотивы повестей предыдущих периодов. Повесть «Петр Иванович Корондеев. Быль» построена на христианской теме греха и покаяния, тогда как повесть «Пропажа. Рассказ старосветского помещика» — на любовной коллизии, осложненной детективной сюжетной линией, а также распространяющимися вокруг главного героя слухами. В повести «Пропажа» действие происходит в маленьком, неназванном губернском городе, и Москва упоминается лишь тогда, когда перед героями встает необходимость отъезда. Москва представлена как город, который живет сплетнями и слухами. Затеряться, по мнению героя, в нем невозможно: «А куда? В Москву? Там будет еще хуже» [Энгельгардт 1892: 568].

Москва в повести противопоставлена провинциальному городу. По утверждению И. Л. Савкиной, «провинция / столица очень важное для русской культуры противопоставление». Одновременно для представительниц женской прозы XIX в. «провинция — не чужое, а свое пространство, провинциалка — не объект, а субъект изображения» [Савкина].

Для Энгельгардт Москва была родным городом, но часто там ее одолевала тоска и скука. В письме к Фету от 24 июня 1863 г. она признавалась, что «мечтает поселиться хотя бы за Москвой рекой, потому что там сады» [Письма 1998: 69].

В повести «Петр Иванович Корондеев. Быль» образ Москвы трансформируется по сравнению с повестями предыдущих периодов. Москва изображена как пыльный, шумный, вонючий город, что напрямую

перекликается с образом Петербурга, созданным в романах Ф. М. Достоевского. Энгельгардт показывает жизнь бедных людей, вынужденных ютиться в маленьких комнатах (как Юлия Михайловна, племянница Петра Ивановича), в подвалах (как мать с маленькими детьми). На контрасте по отношению к бедности, лишаящей всякой надежды на лучшую жизнь, Энгельгардт вводит второстепенный образ нищей, полураздетой и лишенной крыши над головой, которая, вопреки этому, за все благодарит Бога.

Образ Москвы в повести «Петр Иванович Корондеев» соотносится с фигурой главного героя. Петр Иванович живет в доме на Калужской улице. Описание дома отражает его духовное и физическое состояние, его скупой, мелочный характер. Корондееву противопоставлена его племянница Юлия. Она занимает маленькую комнату и едва сводит концы с концами. Юлия стремится покинуть Москву: «Иногда ей было так душно в пыльных, вонючих московских улицах, что она завидовала крестьянке, которая стоит, скрестив руки, у порога покривившейся избенки и наслаждается вечернею влагой» [Энгельгардт 1891: 187]. Поначалу, в традициях «московского текста», она мечтает о том, что после дядиной смерти получит наследство. Юлия винит себя за подобные мысли, но находит в себе силы простить равнодушие дяди по отношению к ней: «Прости ему Бог!» [Энгельгардт 1891: 195]. В финале повести героиня обретает личное счастье.

Таким образом, Москва в повестях С. В. Энгельгардт предстает в нескольких определяющих ракурсах: светский город, православный город, город-символ России, имеющий сакральное значение. Образ Москвы строится на изображении закрытых (пейзаж) и открытых (интерьер) пространств. Облик светского города отражают дворянские усадьбы, дворцы, описание балов и раутов, а православного города, напротив, — церквей, монастырей, христианских праздников. Не менее значимыми в произведениях Энгельгардт оказываются мотивы мистики и тайны, вводимые в повествование с помощью легенд об истории Москвы. Легенда не просто отсылает к утраченному прошлому, но и искажает образ Москвы, делает его более объемным. Кроме того, в повестях и рассказах важными для понимания являются ключевые оппозиции: Москва — деревня, Москва — провинция и Москва — Европа. За счет снижения образа Москвы (духота, теснота, грязные улицы) происходит возвышение образа деревни (свежий воздух, большие от-

крытые пространства, семейные усадьбы), в то время как провинция мало отличается от Москвы. Европа в сравнении с Москвой чужеродна, русский человек никогда не станет там счастливым. В творчестве Энгельгардт образ Москвы, созданный в 1890-е гг., во многом пересекается с образом Петербурга, города бедных районов, маленьких комнат и подвалов. В целом «московский текст» в творчестве Энгельгардт носит во многом подражательный характер: можно говорить как о подражании писательницы произведениям женской беллетристической прозы XIX в. (изображение балов и светских приемов, мотивы сплетен и слухов, любовные конфликты), так и о следовании произведениям классической литературы (И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский).

Список литературы

Источники

Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. / сост. и комм. И. С. Чистовой. 704 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит, 1940. Т. 11. 478 с.

Энгельгардт С. В. Рассказ матери Маргариты / сочинения Ольги Н. [псевд]. М.: Общество распространения полезных книг, 1873. 39 с. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Рассказ_матери_Маргариты_\(Энгельгардт\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Рассказ_матери_Маргариты_(Энгельгардт)) (дата обращения: 21.05.2023).

Энгельгардт С. В. Аринина тайна // *Современные известия*. 1878. 23 июня, 6, 16, 25, 31 июля, 2 августа.

Энгельгардт С. В. Где же счастье? // *Русский вестник*. 1864. № 9. С. 80–154.

Энгельгардт С. В. Деревня. Рассказ // *Отечественные записки*. № 9. 1853. С. 1–26.

Энгельгардт С. В. Заблудшая // *Газета Гатцука*. 1877. 26 марта, 3, 10, 14, 21, 28 апреля.

Энгельгардт С. В. Злоба дня // *Русский вестник*. 1881. № 4. С. 748–764.

Энгельгардт С. В. Изгнанница Бориса Годунова // *Детский отдых*. 1885. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1885_izgnanitza_borisa_godunova.shtml (дата обращения: 21.05.2023).

Энгельгардт С. В. Камень преткновения // *Русский вестник*. 1862. № 12. С. 560–635.

Энгельгардт С. В. На родине // *Русский вестник*. 1870. № 9. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1870_na_rodine_oldorfo.shtml (дата обращения: 20.05.2023).

Энгельгардт С. В. Не одного поля ягоды // *Русский вестник*, 1868. Т. 76. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1868_ne_odnogo_polya_yagoda.shtml (дата обращения: 22.05.2023).

Энгельгардт С. В. Не сошлись // *Русский вестник*. 1867. Апрель. С. 776–817.

Энгельгардт С. В. Не так живи как хочется, а так как Бог велел // Современник. 1854. № 12. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1854_ne_tak_zhivi_olderfo.shtml (дата обращения: 21.05.2023).

Энгельгардт С. В. Один Бог правду видит // Газета Гатцука. 1882. 9, 16, 23, 30 октября, 6, 13 ноября.

Энгельгардт С. В. Петр Иванович Корондеев. Быль // Русское обозрение. 1891. № 5. С. 181–197.

Энгельгардт С. В. Пропажа. Рассказ старосветского помещика // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 562–575.

Энгельгардт С. В. Просьба на Екатерину II // Детский отдых. 1885. Июль. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1885_prosba_na_ekaterinu_2.shtml (дата обращения: 21.05.2023).

Энгельгардт С. В. Святочный рассказ / сочинения Ольги Н. М.: Т-во скоропечатания А. А. Левенсон, 1891. URL: <https://proza.ru/2015/09/09/810> (дата обращения: 20.05.2023).

Энгельгардт С. В. Так Бог велел // Русский вестник. 1872. № 8. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1872_tak_bog_velel_olderfo.shtml (дата обращения: 21.05.2023).

Энгельгардт С. В. Черный сургуч // Газета Гатцука. 1877. 31 июля, 6, 14, 21 августа.

Исследования

Белова П. Е. Мифы и мотивы московского текста в русской лингвокультуре XXI века // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7. № 3. С. 87–91.

Васильева Ю. А. «Московский текст» в книге В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» // Наука в Мегополисе. 2020. Вып. 6 (22). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-22/russian-literature/moscow-text.html> (дата обращения: 22.05.2023).

Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: pro et contra диалог культур в истории национального самосознания: антология. СПб.: Русский Христианский гум. ин-т, 2000. С. 6–78.

Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть I (1858–1873): публикация Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 г. СПб.: Академический проект, 1998. С. 43–147.

Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть II (1874–1884): публикация Н. П. Генераловой. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 г. СПб.: Академический проект, 1999. С. 70–120.

Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.

Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/s_2.htm (дата обращения: 02.08.2023).

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту: Tartu Riiklik Ülikool, 1984. С. 30–46.

Мельгунов Н. А. Несколько слов о Москве и Петербурге // Москва-Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания / сост. К. Г. Исупов. СПб.: Изд-во Русского христианского гум. ин-та, 2000. С. 220–231.

Мякинченко М. А. Москва в литературной памяти Ф. М. Достоевского: генезис, место и роль в художественной системе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 234 с.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 305 с.

Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 111–113.

Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. 621 с.

Шурупова О. С. Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с.

Шурупова О. С. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97–102.

References

Belova, P. E. “Mify i motivy moskovskogo teksta v russkoi lingvokul'ture XXI veka” [“Myths and Motifs of the Moscow Text in the Russian Linguoculture of the 21st Century”]. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniĭ*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 87–91. (In Russ).

Vasil'eva, Iu. A. “‘Moskovskii tekst’ v knige V. A. Giliarovskogo ‘Moskva i moskvichi.’” [“‘Moscow Text’ in V. A. Gilyarovskiy’s book ‘Moscow and Muscovites.’”]. *Nauka v Megapolise*, vol. 6 (22), 2020. Available at: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-22/russian-literature/moscow-text.html> (Accessed 22 May 2023). (In Russ).

Isupov, K. G. “Dialog stolits v istoricheskom dvizhenii” [“Dialogue of Capitals in Historical Movement”]. *Moscow – Petersburg: pro et contra dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniia: antologĭia* [Moscow – Petersburg: Pro et contra Dialogue of Cultures in the History of National Self-Consciousness: An Anthology]. St Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2000, pp. 6–78. (In Russ).

“Pis'ma S. V. Engel'gardt k A. A. Fetu. Chast' I (1858–1873)” [“S. V. Engelhardt’s Letters to A. A. Fet. Part I (1858–1873)”], publ. by N. P. Generalova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1994 g* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1994]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998, pp. 43–147. (In Russ).

“Pis'ma S. V. Engel'gardt k A. A. Fetu. Chast' II (1874–1884)” [“S. V. Engelhardt’s Letters to A. A. Fet. Part II (1874–1884)”], publ. by N. P. Generalova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1995 g*. [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1995]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, pp. 70–120. (In Russ).

Prokof'eva, V. Iu. “Kategorĭa prostranstvo v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy” [“The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Topoi”]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, 2005, pp. 87–94. (In Russ).

Savkina, I. L. *Provintsialki russkoi literatury (zhenskaia proza 30–40-kh godov XIX veka)* [Provincial Women of Russian Literature (Women’s Prose of the 30–40s of the 19th Century)]. Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert Publ., 1998. 223 p.

Lotman, Iu. M. “Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda” [“The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of Semiotics of the City”]. *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam. XVIII*. [Semiotics of the City and City Culture. Petersburg. Works on Sign Systems. XVIII]. Tartu, Tartu Riiklik Ülikool Publ., 1984, pp. 30–46. (In Russ).

Mel'gunov, N. A. “Neskol'ko slov o Moskve i Peterburge” [“Some Words about Moscow and St. Petersburg”]. *Moskva – Peterburg: pro et contra* [Moscow – St. Petersburg: pro et contra]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2000. Available at: http://az.lib.ru/m/melxgunow_n_a/text_1847_neskolko_slov.shtml (Accessed 22 May 2023). (In Russ).

Miakinchenko, M. A. *Moskva v literaturnoi pamiatĭi F. M. Dostoevskogo: genesis, mesto i rol' v khudozhestvennoi sisteme* [Moscow in the Literary Memory of F. M. Dostoevsky: Genesis, Place and Role in the Art System: PhD Dissertation]. Moscow, 2021. 234 p. (In Russ).

Nechaeva, V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha." 1864–1865* [M. M. and F. M. Dostoevsky's "Epoch." 1864–1865]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 305 p. (In Russ).

Subbotina, T. V. "Lokus, topos, urbonim, mikrotoponim: k voprosu o sodержanii prostranstvennykh poniatii" ["Locus, Topos, Urbonim, Microtoponym: On the Content of Spatial Concepts"]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 24, 2011, pp. 111–113. (In Russ).

Sukhikh, I. N. *Struktura i smysl: Teoriia literatury dlia vseh* [Structure and Meaning. Literary Theory for Everybody]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka–Attikus Publ., 2018. 544 p. (In Russ).

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 621 p. (In Russ).

Shurupova, O. S. *Konceptosfera peterburgskogo i moskovskogo tekstov russkoi literatury: sopostavitel'nyi analiz* [The Conceptosphere of St. Petersburg and Moscow Texts of Russian Literature: PhD Thesis, Summary]. Yelets, 2011. 24 p. (In Russ).

Shurupova, O. S. "Moskovskii tekst russkoi literatury i ego geroi" ["The Moscow Text of Russian Literature and its Characters"]. *Russkaia rech'*, no. 1, 2011, pp. 97–102. (In Russ).